

УДК 165

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

## **Единство эпистемологии и онтологии как реальные основания научного реализма**

**М. В. Исмаилова**

*Новосибирский государственный университет  
Новосибирск, Россия*

### *Аннотация*

Эпистемологию и онтологию принято рассматривать как самостоятельные дисциплины. Однако представление об их единстве дает основания для правильной трактовки концепции научного реализма как развития идеи методологического единства в науке, позволяющего выделять различные предметные области, но подходить к ним единообразно. Таким образом, научный реализм оказывается связанным с научной практикой как идея единого толкования феноменов при помощи соответствующих теоретических инструментов.

### *Ключевые слова*

эпистемология, онтология, теоретические определения, определенные дескрипции, нейтральный монизм, научный реализм

### *Для цитирования*

Исмаилова М. В. Единство эпистемологии и онтологии как реальные основания научного реализма // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 16–24. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

## **The Unity of Epistemology and Ontology as an Essential Interpretation of Scientific Realism**

**M. V. Ismailova**

*Novosibirsk State University  
Novosibirsk, Russian Federation*

### *Abstract*

Epistemology and ontology are usually regarded as independent philosophical disciplines. However, the idea of their unity provides the basis for the correct interpretation of the concept of scientific realism as the development of the idea of methodological unity in science, which allows one to distinguish various subject areas, but approach them uniformly. Thus, scientific realism is associated with scientific practice as the idea of a single interpretation of phenomena using appropriate theoretical tools.

© М. В. Исмаилова, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1  
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

*Keywords*

epistemology, ontology, theoretical definitions, definite descriptions, neutral monism, scientific realism

*For citation*

Ismailova M. V. The Unity of Epistemology and Ontology as an Essential Interpretation of Scientific Realism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 16–24. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-16-24

Эпистемологию и онтологию традиционно считают отдельными и относительно самостоятельными дисциплинами. Однако на деле практически всегда наблюдается их единство, вследствие чего часто невозможно провести четкую границу, которая остается условной. Это можно наблюдать в разных философских учениях. В марксизме это называли второй стороной основного вопроса философии, т. е. проблемой познаваемости мира. С рассуждения о единстве этих двух составляющих философских учений начинается книга Рассела «Логический атомизм» [Russel, 2009]. Но акценты в различных философских построениях также расставляются по-разному, например, для Канта приоритетом является теория познания, для Гегеля – онтология, правда, описанная логически.

Эпистемология всегда имела важнейшее значение для философии. Марксизм, например, из всей предшествующей философии считал существенной только теорию познания [Маркс, Энгельс, 1961. С. 25]. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», считая понятия *познание* и *отражение* тождественными, придает им функцию воспроизведения объективной реальности (первичного) в знании (вторичном) [Энгельс и современные проблемы философии марксизма, 1971. С. 152].

Аналогичные идеи формулировал крайний позитивист Мориц Шлик [1993]. Он считал теорию познания инструментом, который должен привести исследователя к подлинной онтологии мира. Кажется очевидным, что онтология неразрывно связана с познавательной деятельностью, а эпистемология иногда диктует онтологию. Например, последний выдержавший сомнение декартовский вывод «Я есть» в дальнейшем приводит его к дуализму в онтологии. Бывает и наоборот, как у Спинозы – Бог, который одновременно и Бог, и Природа, а присутствующее в тексте «или» читается именно как отождествление, откуда и характеристика его философии как монистической. Чаще всего такие отождествления выражаются определениями, которые формально используются для приравнивания определяемых терминов. Однако на деле они являются асимметричными высказываниями, в которых предполагается приоритет определяющей части над определяемой, поскольку определяющее первично, а определяемое – производно, получено из первичного в результате языкового анализа или исследования предмета. Яркий

пример подобного высказывания дает «ленинское определение материи» в том виде, как это определение устойчиво характеризовалось в научной и учебной литературе. Оно гласит: «Материя – это философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [Ленин, 1968. С. 131]. Согласно приведенной формулировке в определяющей части находится соотношение объективного и субъективного. Объективное при этом является первичным, определяющим свойством, а субъективное – вторичным, выведенным, поскольку дано нам в ощущениях и отображается сознанием, а значит – зависит от объективного.

Следует подчеркнуть, что в подобных сопоставлениях одна из сторон относится к непосредственно воспринимаемому или соответствующему аппарату восприятия, а другая – к теоретической конструкции, которая создается средствами соответствующей дисциплины, в данном случае – философии как особой науке. Все подобные вопросы естественным образом отсылают к проблеме теоретических определений и их роли в науке и философии.

Явное определение представляет собой выражение вида  $A = B$ , где есть определяющая часть ( $A$ ) и определяемая ( $B$ ), а  $A$  и  $B$  вместе представлены понятийными конструкциями. В некоторых случаях теоретические определения могут быть просто сокращениями, и тогда они аналитические и априорные, но могут быть и синтетическими априорными, как, например, в случае с установлением тождества в результате исследования. Установив, что вода – это  $H_2O$ , мы производим приравнивание разных представлений объекта исходя из тождества описаний. В знаменитом примере Канта  $7 + 5 = 12$  слева и справа от знака равенства мы видим два самостоятельных объекта. Один объект сложный (слева), а другой простой (справа), однако это не сокращение или совпадение описаний, а указание на способ получения одного объекта посредством операций с другими объектами. В итоге левая часть не равна правой, которая представляет операцию с двумя разными объектами и указывает на третий объект – вот почему это утверждение должно быть синтетическим, и при этом априорным. Через подобные приравнивания и проявляется прочная связь онтологии и эпистемологии. Она выражается в том, что тождество предметов, их отношения и свойства устанавливаются путем исследования, в то время как в отношении понятий эквивалентность главным образом конструируется, предметы непосредственного восприятия при этом существуют в каком-то смысле помимо нас и нашей сознательной познавательной деятельности. Одно первично, а другое вторично в самом общем значении первичности как принципа сводимости или порождения, и это – традиционная философская позиция сопоставления вторичного и первичного данного. Исключением в истории

философии можно считать разве что Спинозу с его попыткой определить двумя разными словами одно и то же (Бог или Природа), обозначив тем самым единство объекта, которое проявляется не в совпадении свойств, а в использовании разных имен для одного и того же, представленного разными описаниями. Однако при этом его часто трактуют как выражение панпсихизма, предполагая, что Бог у Спинозы предшествует Природе, хотя эта интерпретация не является универсальной. В этом плане дуализм Декарта больше похож на своеобразную форму нейтральности. Она выражается в том, что два описания субстанции – одно как делимого и протяженного, второе как непротяженного и идеального, совпадают во времени и пространстве, будучи принципиально разными.

Все эти проблемы, и в особенности вопрос о первичном и вторичном, стали актуальными на рубеже XIX и XX вв., во время так называемого «кризиса науки». Речь шла в том числе и о дуализме общественнознания и естествознания, в свое время характеризующихся как науки о духе и науки о природе. При таком делении философия неизбежно попадала в категорию наук о духе, не получая у сциентистски настроенных исследователей статуса научного предприятия. Главными выразителями такой установки и духа времени были позитивисты, например, тот же Мориц Шлик [1993], а также некоторые представители аналитической философии и некоторых физикалистских теорий более позднего периода 40–50-х гг.

На фоне возникновения новой науки философия критиковалась за спекулятивность, умозрение, выдумки, безосновательность, в то время как формирующаяся новая наука требовала проверяемости и объективности. Перед лицом такой критики философии со стороны «опыта» (эмпириокритицизм) и в связи с кризисом науки и идеей о единстве онтологии и эпистемологии возникает новый взгляд на научность как таковую. В связи с появлением новой методологии и принципиально новых теорий возникло стремление отставить онтологию и принять за объекты анализа наглядное и первичное, позитивное, т. е. перенести внимание на эпистемологию, где рассматривались первичные опытные суждения, а не реальность, которую они представляют. Теперь предлагается анализировать данное в опыте, в том числе интуитивном, т. е. первичное, а вторичное, выведенное из него или надстроенное, рассматривать как вспомогательные конструкции. Именно так подходит к вопросу сначала эмпириокритицизм, а затем логический эмпиризм. Понятно, что такая позиция была продиктована развитием науки, появлением новой логики и новых математических теорий. Новая логика – исчисление предикатов, а новая математика – неевклидовы геометрии и формализация арифметики Пеано – становятся главными инструментами конструирования и контекстом для новой философии. Кодифицированная символическая логика и аксиоматизация содержания научных знаний вместе составили идею дедуктивной системы как образца

для построения научной теории. В ней выделили первичные термины и определения в качестве способа построения производных понятий, а первичные утверждения (аксиомы) и формализованный логический вывод предстали как способ обоснования производных утверждений – теорем. Такая модель послужила общим представлением о теоретическом знании в аналитической философии. Частным случаем были математика, естествознание, и даже общественные науки – именно так представлялось теперь единство научного знания, в методе, инструментарии науки, разделении на первичное и вторичное, исходное и производное, формальное и содержательное для каждой из теорий [Карпович, 1978].

Важнейшим дополнением к такому представлению научных теорий стали определенные дескрипции Рассела, поскольку они, по сути, являются контекстуальными определениями отдельных предметов и явлений. Теперь стало возможным характеризовать их через взаимоотношения и связь с другими предметами, входящими в область исследования. Причем этот способ идентификации предметов подходит к науке в целом, к математике, естествознанию и другим дисциплинам. Это дает возможность соединения всех этих характеристик для реального описания предмета в пространстве опыта и делает возможным их идентификацию. Такую идентификацию предметов демонстрирует классический пример Рассела, который можно для пояснения смысла записать так: «Нынешний (!) **король** Франции (!) **лыс**» = «тот, кто сейчас (!) во Франции (!) **король** = тот (!) **лысый**». Предикаты здесь выделены шрифтом, а знак «!» ставится после пространственных и временных указаний на единственность объекта. Важно, что это сопоставление предметов, а не явные определения свойств и отношений. Такие определения характеризуются как контекстуальные, причем в двух смыслах: 1) они учитывают реальную ситуацию и окружение, что тоже своего рода «контекст»; 2) не заменяют одно нарицательное имя на другое как в явных определениях: в тексте предложение с собственным именем вроде «Пегас» заменяется на другое предложение без сомнительного собственного имени, которое теперь представлено отношениями обозначенного именем объекта с другими знакомыми объектами, обладающими пространственно-временной идентификацией.

В таком способе представления предметов обнаруживается сходство научных описаний предметного мира, физики и математики, так как существование и единственность объектов можно сходным образом описать и в пространственно-временных, и в математических областях через отношения самих объектов. Этот же прием применим и к «наукам о духе». В исследуемой области существует то, что обладает определенным описанием, признаками, в первую очередь вытекающими из их соотношения с другими существующими предметами. Такая идея существования выражена в знаменитом положении Куайна «существовать – значит быть

значением квантифицированной переменной», другими словами, «быть» просто отсылает к предметам в области рассуждения. Но есть и другой способ определить существование, уже не предметов в области, но самой области. Внутри области объекты идентифицируются отношениями, снаружи – области исследования сопоставляются друг с другом, а вместе они представляют внутренние и внешние вопросы существования, как обозначил их Карнап [1959]. Это обстоятельство и привлекло Рассела в нейтральном монизме, который осознал непосредственную эпистемологическую и опосредованную онтологическую значимость этой теории. Она позволяет сопоставлять непосредственно воспринимаемые системы объектов и их математические модели. Подобные модели затем приравниваются к теоретическим конструкциям, как в естествознании, так и в гуманитарных дисциплинах, в частности в психологии [Russel, 2009. P. 120]. Получается, что внимание к эпистемологии (главное – познавать мир) естественным образом, при помощи описанных выше инструментов, приводит к своеобразной онтологической нейтральности науки. Поскольку основная идея заключается в том, что наука методологически едина, можно различать предметные области, но подходить к ним единообразно, не интересуясь до поры природой самих объектов. Заметим, что исследователи в общественных дисциплинах тоже не чуждались такого подхода в это время, критикуя при этом традиционную философию за метафизичность. Пример Маркса по этому поводу – его рассуждение о сущности человека (как такового, а не как вида млекопитающих) как совокупности общественных отношений: нам не надо изучать природу элементов, достаточно ее предположить – что человек является разумным существом. Вместо этого надо изучать отношения предметов в выделенной области познания; тогда мы сможем приблизиться к пониманию специфики таких понятий, как разумность, производство, организация, язык и т. п. Другой пример: данный человек лишь потому «король», что другие ведут себя по отношению к нему как «подданные». Между тем и они считают себя «подданными» потому, что он – «король» [Маркс, 1985. С. 46].

Подобные системные построения из отношений между предметами исследуемой области с использованием соответствующего концептуального аппарата демонстрируют методологическое единство науки и ставят вопрос о том, что есть реальность, как именно и в какой мере вспомогательные конструкции соотносятся с существованием. При таком подходе предметные области можно делить на более фундаментальные и менее фундаментальные в отношении первичности – вторичности. Можно также соотносить формы существования материи – пространство и время; выделять уровни организации материи или сознания, соотнося их по степени сложности; связывать уровни организации друг с другом, определяя, например, сознание как свойство высокоорганизованной материи; сводить вместе абст-

рактное и конкретное как диалектически связанное друг с другом в системе прикладной науки.

Такие связи показывают, что научные споры о возможности соотношения конструкций и реальности превращаются в вопрос о соотношении философских мировоззрений. А для самой науки это прежде всего вопрос о том, как понимать так называемый научный реализм в аспекте философского прочтения специфики научного знания. В частности, следует ли ограничиться инструменталистской трактовкой научного знания (практический реализм) или все-таки считать, что для каждого теоретического объекта, если он построен научным методом, обязательно существует некоторая область реального (человеческий институт, теория, система общественных отношений), которая этим конструктом схватывается и отображается. Причем такие конструкции ориентируют на изучение предметной реальности и демонстрируют его результаты, даже в том случае, когда речь идет о пресловутых теплороде или флогистоне для описания процессов перетекания тепла или феномена горения. То же самое можно сказать про идею исторических общностей людей – семья, род, племя, нация, и даже про общественные институты типа государства, морали, права в их исторической данности. Фактически это означает, что эмпирическое можно соотносить с теоретическим в качестве одного из способов обоснования реальной значимости научных конструкций для индивидуальной и общественной практики. Реальность правильно построенной теории подтверждает и проверяет практика в соответствующих формах, а гарантией верности представлений, т. е. реализма, является исторически определенный этап развития науки как формы духовного производства и социального института.

При таком подходе одна из основных сложностей формулирования идеи научного реализма будет состоять в том, что за обобщенными описаниями опыта и характеристикой отдельных предметов в конечном счете стоят системы понятий. Сходства наблюдаемого даны в опыте непосредственно, существование же объектов, обозначенных теоретическими, понятийными конструкциями, которые не сводимы к явным определениям через представленные в опыте понятия, отсылает к проблеме «реализма» в его традиционном философском смысле. Это вопрос об онтологическом статусе абстрактных идей как особых объектов в этом или каком-то другом, особом мире.

Идея различия и сходства опытного и внеопытного знания, обществоведения и естествознания характеризует нейтральный монизм, как одну из первых попыток сформулировать эту проблему применительно к науке в качестве особой формы познавательной деятельности. По существу, это была попытка заменить рассуждения об особой онтологии «нейтральностью» теоретических конструкций по отношению к этой традиционной философской проблеме, подчеркнув тем самым

приоритет науки перед метафизикой. Закономерно, что в переходные этапы появляется необходимость сойтись на некоторой нейтральной позиции и достичь хотя бы временной договоренности о стандартах научности, поэтому острота онтологических вопросов снижается естественным образом.

Этим и оказалась привлекательна позиция нейтрального монизма: толерантность в науке и терпимость к разным упражнениям в мировоззрении дает возможность использовать в реальной научной практике все, что может пригодиться. Для жизненной практики оказывается важна не столько красота и масштабность философской конструкции, сколько ее универсальность и удобство применения, возможность охвата всего спектра задач хотя бы на уровне методологии.

По этой причине нейтральный монизм, если его рассматривать в контексте развития научного знания и преодоления кризисов, оказывается предвосхищением идеи научного реализма как формы единого толкования феноменов при помощи теоретических объектов. Иначе говоря, философское осознание соответствия научных приемов и методов построения научного знания принятой общественно-исторической практике, регулятивная идея трактовки науки как отражения объективной, независимой от ученых реальности, составляет подлинное содержание концепции научного реализма.

### Список литературы / References

**Карнап Р.** Эмпиризм, семантика и онтология. М., 1959.

**Karnap R.** Empirizm, semantika i ontologiya [Empiricism, Semantics and Ontology]. Moscow, 1959. (in Russ.)

**Карпович В. Н.** Термины в структуре теории. Логический анализ. Новосибирск, 1978.

**Karpovich V. N.** Terminy v structure teorii. Logicheskii analiz [Terms in Theory Structure. Logical analysis]. Novosibirsk, 1978. (in Russ.)

**Ленин В. И.** Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 18.

**Lenin V. I.** Polnoe Sobranie Sochinenii [Collected Works]. Moscow, 1968, vol. 18. (in Russ.)

**Маркс К.** Капитал. М., 1985. Т. 1.

**Marx K.** Kapital [Capital]. Moscow, 1985, vol. 1. (in Russ.)

**Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20.

**Marx K., Engels F.** Sochineniya [Essays]. Moscow, 1961, vol. 20. (in Russ.)

**Шлик М.** О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избр. тексты. М., 1993. С. 34–36.

**Shlik M.** О фундаменте познания [On the Foundation of Knowledge]. In: Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow, 1993, p. 34–36. (in Russ.)

Энгельс и современные проблемы философии марксизма / Под ред. М. Т. Иовчука. М., 1971.

Engels i sovremennye problemy filosofii marksizma [Engels and Modern Problems of the Philosophy of Marxism]. M. T. Iovchuk (ed.). Moscow, 1971. (in Russ.)

**Russel B.** The Philosophy of Logical Atomism. Routledge, Taylor & Francis e-Library, 2009.

*Материал поступил в редколлегию*

*Received*

*23.12.2019*

### **Сведения об авторе / Information about the Author**

**Исмаилова Мария Владимировна**, магистрант, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

**Maria V. Ismailova**, graduate student, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

ismailova.masha@gmail.com